

Е.П. Педчак

«Выхожу один я на дорогу...»

В пяти строфах лирического шедевра Лермонтова заключено необыкновенно богатое содержание.

Лирическое «я» помещено в космический пейзаж. Человек изображен на фоне ночной вселенной, умиротворенной внутренним покоем. Ночь накинула свой покров на весь видимый мир. Космос, вселенная и человек — вот действующие лица короткой лирической миниатюры. Человек находится внутри мироздания («в небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...»). Человек — ядро мира, его центр, его духовное средоточие. «Я» непосредственно соотнесено с вселенной и космосом. Лермонтов, как большой художник, интересуется глубинными проблемами бытия — жизни и смерти, добра и зла, гармонии и дисгармонии. Человек в этом стихотворении подобен Богу. Лирическое «я» по своему центральному месту в стихотворении сходно с Богом, стоящим в центре Вселенной. Отсюда протекает библейская возвышенность образов, и само явление человека на земном пути подобно чудному явлению Бога в пустыне вселенной. Гуманистический смысл стихотворения несомненен: Лермонтов, опираясь на библейскую мифологию, вызывает поэтические представления о величии человека. Космическая «дорога» одновременно становится реальным земным путем, получающим предметную характеристику — «кремнистый путь». Скрещение космического и реального планов продолжается и в дальнейшем. Вселенская «пустыня», которая «внемлет богу», превращается в реальный, но одушевленный и очеловеченный мир, где «звезда с звездой говорит». В сознании читателя появление человека в мире ассоциируется с прекрасным и чудесным видением, исполненным торжественности, величия и красоты. Космический, вселенский мир внутренне умиротворен, спокоен, гармоничен. Между Богом и вселенной нет конфликтов («пустыня внемлет Богу»), между явлениями природного мира царят согласие и понимание («и звезда с звездой говорит»). Небо и земля пребывают в покое, полные жизненных сил и красоты («в небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...»). Слово «спит» здесь явно ассоциируется не только с представлением о тишине и ночном покое, но и с чудесными «снами» об идеальной гармонии.

Идеальный мир, как ночной сон природы, выступает у Лермонтова в реальных, зримых очертаниях. Поэта привлекает гармония человека и природы. Ночная, спящая природа полна удивительной жизни и мудрой, насыщенной деятельности («ночь тиха, пустыня внемлет богу, и звезда с звездой говорит»), «Сон» природы исключает смерть. Напротив, он демонстрирует жизнь в ее самом полном, всеобъемлющем и грандиозном масштабе. Однако природа живет у Лермонтова самостоятельной идеальной жизнью. Человек поставлен лицом к лицу с природой, непосредственно соотнесен с нею, но его существование различно с формой бытия природы. Он может глубоко чувствовать и переживать гармонию природы, Вселенной, космоса, воспринимая ее как желаемое идеальное состояние, как отблеск мира, с которым он жаждет слиться, но его бытие принципиально отлично от жизни природы, ею не обусловлено от нее не зависит. Напротив, человек живет по иным законам, также вполне самостоятельным. Это противоречие между высокой, богоподобной предназначенностью человека на земле и во Вселенной и одновременно разобщенность с идеальным миром, внутренняя противоречивость человеческого сознания и конфликт с жизнью заставляют искать блаженную гармонию при полной уверенности в невозможности счастья. Поэтому мир природы выступает и в качестве контраста к душевному состоянию героя, не нашедшего полнокровной связи с жизнью, распавшегося с нею.

Вслед за торжественной картиной ночного сна Вселенной и чудесного явления человека возникают тревожные вопросы, обращенные к себе и выступающие как антитеза только что описанному величественному видению:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем? —

после которых следуют печальные и трагические ответы:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...

Космический масштаб гармонического идеала соответствует здесь абсолютной полноте непримиримого распада с земной жизнью и принципиальной неустранимости душевного разлада в сознании героя, который тщетно порывался обрести гармонию на жизненном пути, но пришел к сознанию бессмысленности своих идеальных порывов и ожиданий. Так возникает новая тема отрешенности от земной жизни, желание порвать всякие связи с ней и вернуться в чудесное лоно природы и блаженного «сна»:

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Мотив ночного сна Вселенной соотнесен с мотивом сна отчаявшегося человека. «Сон» оказывается и здесь идеальным блаженством, а не «холодным сном могилы». Он столь же деятелен, насыщен жизнью, как и сон природы («Я б желал навеки так заснуть, чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб дыша вздымалась тихо грудь...»). Рядом с контрастными мотивами «сна» и душевного беспокойства вновь возникают мотивы блаженства и гармонии. Но уже само представление о гармонии как о «сне» бросает свет на несбыточность максималистских желаний («навек»). Сам же «сон» мыслится не в образах вселенского космического сна ночной природы, а в земных образах («про любовь мне сладкий голос пел, надо мной чтоб, вечно зеленея, темный дуб склонялся и шумел»), снова возвращающих идеал гармонии на землю. Подобно тому, как торжественная и чудная гармония природы не избавляет поэта от тревоги и беспокойства, от оков реальной жизни, от сознания ее бесцельности, так и поиск «свободы и покоя» не уводит от мечты о земном блаженстве. В последней строфе мысль о слиянии с природой воплощается в земных образах, а не на фоне вселенско-космического пейзажа.

Глубокий гуманистический смысл лермонтовского стихотворения вырастает на почве отталкивания от чуждой идеальному миру действительности и выражает идеал «свободы и покоя», обретаемый в мечте о вечной и благодатной гармонии вольной и естественной жизни, достойной человека. Прообразом лермонтовской мечты выступает ночной сон природы, стройный, гармонический, полный внутренней одухотворенности мир космоса. Но не к нему устремляется в поэтическом воображении Лермонтов, а к иной жизни, в которой человек сливается с природой и где до него доносится «сладкий голос» всечеловеческой и вселенской любви, объединяющий человека, мироздание и все сущее. Это состояние нирваны — не жизни и не смерти, не покоя и не движения, но того и другого вместе.

Выражая ценность гармоничной, одухотворенной и прекрасной жизни, Лермонтов в звуках (например, явная аллитерация на «л» в последней, пятой строфе), в напевном строе стиха являет эту сладостную гармонию как бесконечное счастье, как свой романтически-максималистский идеал. И вместе с тем тонкая грусть, разлитая в стихотворении, доносит печальную весть об иллюзорности счастья, о его несбыточности.

Стихотворение написано пятистопным хореем.